

RU

Психолингвистический аспект создания образа врага в русофобском дискурсе англоязычных СМИ

Малявин С. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявить психолингвистические механизмы создания образа врага в русофобском дискурсе англоязычных средств массовой информации. Статья представляет собой междисциплинарное исследование, интегрирующее инструментарий лингвистики и социальной психологии. Анализируя материалы англоязычных СМИ, автор исследует генезис и функционирование русофобского дискурса через призму ключевых понятий: «образ врага», «манипулятивные приемы» и «психологические установки». Теоретической основой исследования выступает теория социальной идентичности (Social Identity Theory), на основе которой анализируется взаимодействие языка и когнитивных установок в процессе формирования враждебного образа. Научная новизна работы состоит в выводе о врагообразующей природе русофобского дискурса, что представляет собой принципиально новый подход к определению его сущности. Это позволяет перевести анализ из плоскости описания частных проявлений русофобии в плоскость исследования ее как целостного технологического процесса по созданию идеологического конструкта «врага». Результаты научного исследования показывают, что через психологические установки и манипулятивные практики русофобского дискурса создается образ врага. Благодаря своей врагообразующей природе русофобский дискурс предстает как мощный инструмент конструирования общественного мнения. Его воздействие способствует укоренению негативных стереотипов о России и ее гражданах в обществе, что, в свою очередь, создает предпосылки для оправдания идеологически ангажированного восприятия и принятия политически мотивированных решений в глобальном масштабе.

EN

Psycholinguistic aspect of enemy image construction in the Russophobic discourse of English-language media

S. G. Maliavin

Abstract. The purpose of this study is to identify the psycholinguistic mechanisms of enemy image creation in Russophobic discourse in English-language media. This article is an interdisciplinary study integrating tools from linguistics and social psychology. Analyzing English-language media, the author explores the genesis and functioning of Russophobic discourse through the prism of key concepts: “enemy image”, “manipulative techniques”, and “psychological attitudes”. The theoretical basis of the study is Social Identity Theory, which analyzes the interaction of language and cognitive attitudes in the formation of a hostile image. The scientific novelty of this work lies in the conclusion about the enemy-forming nature of Russophobic discourse, which represents a fundamentally new approach to defining its essence. This allows the analysis to shift from the plane of describing particular manifestations of Russophobia to the plane of studying it as a holistic technological process for creating the ideological construct of the “enemy”. The results of the scientific study demonstrate that the psychological attitudes and manipulative practices of Russophobic discourse create an enemy image. Due to its enemy-forming nature, Russophobic discourse emerges as a powerful tool for shaping public opinion. Its impact contributes to the entrenchment of negative stereotypes about Russia and its citizens in society, which, in turn, creates the preconditions for justifying ideologically biased perceptions and politically motivated decision-making on a global scale.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях информационных конфликтов и нарастающего политического противостояния между государствами, образ

врага все чаще конструируется через медийный дискурс, оказывая прямое влияние на общественное мнение. Во-вторых, в англоязычном информационном пространстве наблюдается систематическое формирование негативного образа России, что требует научного осмысления с позиций лингвистики и социальной психологии. Несмотря на существующие исследования по теме русофобии, психолингвистические механизмы создания враждебных образов в медиа остаются недостаточно изученными. Междисциплинарный подход, основанный на теории социальной идентичности, позволяет глубже понять, как языковые конструкции и когнитивные установки формируют устойчивые представления о «враге» и закрепляют их в массовом сознании. Таким образом, исследование отвечает современным научным и социальным вызовам, сочетая теоретическую значимость и практическую направленность.

Для достижения поставленной цели исследования требуется решить следующие задачи:

- уточнить понятие «русофобия» и «русофобский дискурс» и продемонстрировать психологическую природу русофобии;
- определить функции образа врага в русофобском дискурсе в контексте теории социальной идентичности;
- установить манипулятивный потенциал и показать основные психолингвистические приемы русофобского дискурса.

Материалом для исследования послужили Британский национальный корпус (BNC) со ссылками на источники (Foreign Affairs, YAHOO!News), электронные версии газет The New York Times, The Guardian, The Telegraph, новостной ресурс CNN. Исследование охватывает материал с 2020 по 2025 год.

Справочные материалы: словари английского языка *Oxford English Dictionary*, *Merriam-Webster Dictionary*, а также словарь В. К. Мюллера (2013).

Теоретическую базу составляют работы, исследующие идеологическую составляющую русофобского дискурса (Гуторов, Ширинянц, 2023; Кара-Мурза, 2020; Ильин, 2018; Неменский, 2013; 2014; Таньшина, 2023а; Туркулец, Туркулец, 2023; Шафаревич, 2005), понятие «дискурс» и его воздействующую силу (Степанов, 1995; Алексеев, 2005; Андрианов, 2007; Водак, 2000; Павлова, 2003; Поттер, 1998; Степанов, 2005), манипуляцию и его психологическую сущность (Доценко, 1997; Кара-Мурза, 2015; Лазарев, 2017; Молодыхенко, 2011; Озюменко, 2017; Копнина, 2012; Шиллер, 1980; Шелестюк, 2009; Голянская, Мельник, 2019; Фарвазетдинова, 2024; Зелинский, 2008; Керимов, 2022).

Для реализации поставленной цели и решения обозначенных задач в статье используются методы, соответствующие междисциплинарному характеру исследования: для уточнения понятий «русофобия» и «русофобский дискурс» применяется контент-анализ; функции образа врага исследуются с помощью интерпретативного дискурс-анализа, основанного на теории социальной идентичности; манипулятивный потенциал дискурса и его психолингвистические приемы выявляются посредством критического дискурс-анализа.

Практическая ценность данного исследования заключается в возможности применения его результатов в образовательной и прикладной сферах. В частности, материалы могут быть использованы при разработке стратегий прогнозирования и противодействия манипулятивным воздействиям, реализуемым средствами массовой информации посредством психолингвистических приемов. Результаты исследования представляют интерес для преподавания таких дисциплин, как медиалингвистика, психолингвистика, дискурс-анализ, социолингвистика, конфликтология, политическая лингвистика, а также социальная и когнитивная психология. Полученные данные могут служить содержательной базой для создания учебных курсов и методических материалов в гуманитарных вузах, а также использоваться при проведении специализированных семинаров и тренингов, направленных на изучение медиаманипуляций и формирование критического мышления у обучающихся.

Обсуждение и результаты

В современном гуманитарном знании язык рассматривается не только как средство коммуникации, но и как мощный инструмент формирования мировоззренческих ориентиров и социальных установок. Одним из центральных факторов этого процесса является идеология, которая не только находит отражение в языке, но и активно использует его ресурсы для конструирования социальной реальности. В контексте русофобии особую значимость приобретает феномен создания и поддержания образа врага. Русофобия, таким образом, представляет собой не совокупность спонтанных индивидуальных реакций, а результат системных дискурсивных практик, в рамках которых язык функционирует как средство закрепления и тиражирования устойчивых негативных нарративов о России и ее гражданах. Посредством различных манипулятивных стратегий и психолингвистических приемов формируется устойчивый образ России как врага и оппонента, что оказывает значительное воздействие на коллективное сознание и восприятие международной действительности. Это, в свою очередь, подчеркивает глубоко идеологическую природу русофобии как социального и коммуникативного феномена.

Русофобия, идеологические черты которой Ф. И. Тютчев (1999) охарактеризовал как пылкое и слепое враждебное отношение к России, в современных реалиях выходит далеко за пределы культурной или идеологической критики. Все чаще она принимает радикальные формы, вплоть до проявлений, предполагающих физическое устранение всего, что ассоциируется с Русским миром. Как подчеркивают А. В. Туркулец и С. Е. Туркулец (2023), это явление представляет собой не что иное, как крайнюю форму стигматизации. Исследователи отмечают, что корень русофобии – в глубоком экзистенциальном страхе носителя иной идентичности, испытывающего угрозу со стороны альтернативной культурной матрицы. Именно это ощущение опасности и запускает механизмы социальной и культурной отмены всего русского.

Некоторые авторы, в частности В. Э. Багдасарян (2016), выдвигают идею о целесообразности замены термина «русophobia» на «россiефobia», полагая, что последнее более точно отражает негативное искаженное восприятие именно российского государства со стороны его идеологических противников, особенно на Западе. Однако, следуя позиции таких ученых, как В. А. Гуртов и А. А. Ширинянц (2023), мы считаем, что подобная замена неоправданно сужает рамки анализа. Термин «россiефobia» концентрирует внимание исключительно на государственном аспекте, оставляя в тени не менее значимый пласт – этнокультурную враждебность, направленную на русский народ как носителя уникального менталитета, исторического опыта и системы ценностей. Именно этот глубинный этнический и культурный компонент, на наш взгляд, составляет фундамент русофобской риторики и русофобских практик.

Широкое распространение русофобии в мире подчеркивает необходимость ее всестороннего рассмотрения. Много работ посвящено изучению разных аспектов русофобии. А. Н. Ильин (2018) предлагает понимать под русофобией принципиально враждебное отношение ко всему комплексу русской идентичности (этносу, культуре, цивилизации), основанное на фальсификациях и инсинуациях. Истоки этого явления, как убедительно показывают научные изыскания С. Г. Кара-Мурзы (2020), О. Б. Неменского (2013; 2014), Н. П. Таньшиной (2023а, 2023b), коренятся в многовековом европейском восприятии России, зафиксированном в разнообразных текстах. И. Р. Шафаревич (2005) выделил ключевые русофобские тезисы, бытующие в интеллектуальной среде. Сущность русофобии, по А. А. Ширинянцу (2024), заключается в ее функционировании как мощного идеологического мифа, представляющего Россию нехристианской, варварской деспотией с тиранической властью и патологически жестоким раблепным народом.

По нашему мнению, русофобия – предвзятое, негативное отношение к России, ее культуре, истории и гражданам, выражающееся в дискриминации, стереотипах и враждебной риторике.

Современный когнитивный анализ русофобии подтверждает ее дискурсивную и психологическую природу. Исследование концепта РУСОФОБИЯ выявляет ключевые признаки, детерминирующие русофобские нарративы: 1) глобальное отрицание ценности русской культуры, ее ключевых фигур и российского государства как такового; 2) апелляция к идеологиям фашистского толка; 3) распространение антироссийских настроений на основе фейковых конструкторов; 4) пропаганда голливудской кинопродукции; 5) целенаправленное формирование враждебного общественного мнения через призывы к насильственной смене власти в России и криминализацию ее президента (Рябова, 2022).

Русофобия – не просто предрассудок, а сложный психокультурный феномен, укорененный в исторических травмах, геополитике и кризисе идентичности Запада. Всесторонний анализ работ, посвященных русофобии, позволяет выделить следующие психологические предпосылки данного явления:

1. Страх перед «Другим» как угрозой идентичности. Русофобия часто коренится в потребности западных обществ конструировать образ «врага» для укрепления собственной идентичности. Россия исторически служила таким «Зеркалом», отражающим страхи Запада перед альтернативной цивилизационной моделью.

2. Зависть и чувство неполноценности. Исторически Запад завидует способности России к ассимиляции других культур (например, мирному сосуществованию христиан и мусульман), что подрывает идею «цивилизационного превосходства» Запада.

3. Экзистенциальный страх перед альтернативной моделью. Для США русофобия – инструмент сдерживания России как цивилизации, предлагающей иной путь развития. Страх перед «русским миром» интерпретируется как угроза глобальному доминированию.

Согласно исследованиям в области языковой прагматики и когнитивного анализа, истоки русофобии коренятся в особенностях дискурсивных практик. Это обосновывает введение термина «русофобский дискурс» для обозначения особого типа речевой деятельности. Основываясь на определении Ю. С. Степанова (1995), где дискурс трактуется как использование языка для выражения конкретной ментальности и идеологии, сопровождающееся выработкой уникальных языковых черт, особой грамматики и лексики, «русофобский дискурс» можно определить как специфическую языковую форму со специфическим набором лексических и грамматических средств, служащих целям формирования, поддержания и распространения русофобской идеологии.

Формирование культурной и цивилизационной идентичности неизбежно предполагает конструирование образа «Иного» – психологического антипода, через противопоставление которому кристаллизуются границы собственного «Я». Этот универсальный механизм, уходящий корнями в диалогическую философию М. М. Бахтина, получил глубокое осмысление в работе И. Нойманна «Использование “Другого”» (2004). Как подчеркивает исследователь, «Иной» выполняет не только гносеологическую функцию (познание мира через диалог), но и онтологическую: именно в столкновении с альтернативным сознанием рождается смысл самоидентификации (Нойманн, 2004, с. 40). В этом контексте русофобия предстает не просто идеологическим конструктором, а глубинным психокультурным феноменом, где Россия исторически играет роль «Зеркала» для западной идентичности.

Философские и культурологические исследования указывают на заметную эволюцию образа России в европейском дискурсивном пространстве: из амбивалентной фигуры «Иного» она все чаще становится символом «экзистенциального Чужого», ассоциируемого преимущественно с отрицательными характеристиками. Как отмечает О. В. Заиченко (2019), ранее восприятие России носило двойственный характер, отражая ее положение как бы «между» Западом и Востоком – в затянувшемся состоянии перехода между представлениями о цивилизованности и варварстве. Сегодня же эта сложная и противоречивая картина все чаще упрощается: на смену многозначности приходит устойчивый негативный образ, вытесняющий прежнюю амбивалентность (Заиченко, 2017, с. 19).

Одним из ключевых теоретических оснований данного исследования является теория социальной идентичности (Social Identity Theory), разработанная в 1970-х годах Генри Тэджафелом и Джоном Тернером (Tajfel, Turner, 1979). Согласно этой теории, значительная часть человеческого поведения и восприятия определяется принадлежностью индивида к определенным социальным группам. Социальная идентичность – это не просто осознание себя как члена той или иной группы, но и источник самоуважения и самооценки, формирующийся в сравнении с другими группами. Индивиды стремятся поддерживать позитивный образ собственной группы (ingroup), противопоставляя ее внешним группам (outgroup), которым зачастую приписываются негативные характеристики. Это противопоставление усиливает чувство принадлежности и «мы-идентичность», но также может приводить к стереотипизации, предвзятости и формированию образа врага. Создание негативного образа внешней группы в этом контексте выступает как механизм поддержания положительной самоидентификации. В русофобском дискурсе данная стратегия реализуется через устойчивое конструирование России и русских как «чужих», «опасных», «нецивилизованных» и т. д., что позволяет коллективному «Западу» утвердить свою моральную, политическую и культурную «норму».

Мы убеждены, что основная цель русофобского дискурса – создание образа врага. В процессе эволюции общественных отношений восприятие врага, особенно в первобытном обществе, носило исключительно прагматичный характер – врагом считался тот, кто представлял прямую угрозу физическому существованию. С развитием социальных структур и становлением государственности образ врага стал выполнять важную функцию сплочения общества. Его демонизация способствовала формированию коллективной идентичности по принципу «Мы – это не Они». Образ врага является не просто идеологическим конструктом, но и психологически мотивированным результатом групповой самоидентификации, реализуемой через языковые средства массовой информации.

Согласно С. А. Зелинскому (2008), идеологическое конструирование образа врага помогает преодолеть политические или национальные комплексы неполноценности, стимулирует политическую мобилизацию населения, служит основанием для утверждения легитимности власти и собственной исключительности. Это, в свою очередь, реализует так называемую «политику самоочевидного» и способствует устойчивости политической системы в целом (Зелинский, 2008, с. 64).

Мы полагаем, что «образ врага» в русофобском дискурсе представляет собой концептуально сконструированную модель, основанную на устойчивых негативных стереотипах и предвзятых взглядах в отношении России и ее народа. Этот образ формируется посредством различных языковых стратегий и манипулятивных приемов, направленных на формирование враждебного восприятия и легитимацию дискриминационных практик.

Важно подчеркнуть, что данный образ не возникает стихийно в общественном сознании, а является результатом определенных социально-политических установок и целенаправленной деятельности. Он представляет собой политически мотивированный продукт. Эту мысль подтверждают исследования А. А. Керимова (2022), посвященные вопросам политической коммуникации в массмедиа. Ученый отмечает, что современная медиасреда характеризуется переходом от многоканального к омниканальному формату, что сопровождается перенасыщением информационного пространства (Керимов, 2022, с. 37), способствующим усилению воздействия подобных конструкций на массовое сознание.

Психологические установки, лежащие в основе формирования образа врага в русофобском дискурсе, представляют собой комплекс целенаправленных когнитивных стратегий, нацеленных на устойчивое формирование негативного отношения к России и русским как к потенциальной угрозе (Зелинский, 2008). Выделим ключевые компоненты этих установок, обеспечивающие идеологическую и эмоциональную поддержку русофобского нарратива в глобальном информационном пространстве:

1. Стереотипизация и деиндивидуализация – представление России и ее граждан через ограниченный набор негативных, обобщающих характеристик, которые способствуют снижению эмпатии и упрощают процесс их обезчеловечивания. Это позволяет воспринимать объект враждебности не как совокупность личностей, а как безликий, враждебный коллектив.

2. Механизм проекции – приписывание России черт, вызывающих отторжение (агрессивность, жестокость, коварство), что способствует формированию устойчивого образа внешне угрожающего и морально неполноценного субъекта.

3. Конструирование коллективной идентичности через противопоставление – создание четкой бинарной оппозиции «мы – они», где «они» – заведомо враждебные. Это способствует внутригрупповой сплоченности и мобилизации общества против внешнего образа врага.

4. Апелляция к историческим травмам – использование исторических конфликтов и травматического опыта как аргумента в пользу существующей враждебности, что усиливает эмоциональный резонанс и снижает критическое восприятие текущей политической риторики.

5. Моральная рационализация агрессии – образ врага используется как инструмент легитимации санкций, политической изоляции, информационной войны и даже силовых действий, преподносимых как необходимая мера защиты от экзистенциальной угрозы.

В совокупности эти установки формируют устойчивую когнитивно-эмоциональную конструкцию, активно транслируемую через медиадискурс, что обеспечивает воспроизводство русофобской идеологии и ее укоренение в общественном сознании.

Создание образа врага в русофобском дискурсе обусловлено его высоким манипулятивным потенциалом. Ученые (Безменова, 1989; Кривошеев, Сафонова, 2022; Медведева, 2020; Озюменко, 2017; Прокопенко, 2020) подчеркивают, что язык служит мощным инструментом скрытого информационного воздействия на сознание

и поведение. Современные медиа, будучи частью политического пространства, используют язык политического и медийного дискурса для легитимации власти, манипуляции общественным сознанием и закрепления социальных стереотипов. Вопрос о воздействующем потенциале дискурса неизменно оказывается в центре внимания исследователей при рассмотрении различных аспектов его структуры и функционирования (Поттер, 1998; *Discursive Psychology...*, 1995; Иссерс, 2008; Водак, 2000; Ильин, 1997; Алексеев, 2005; Dijk, 1997; Степанов, 2005; Павлова, 2003; 2013; Павлова, Григорьева, Пескова, 2007; Баранов, 2007; Андрианов, 2007).

Манипуляция, присущая русофобскому дискурсу, представляет собой системное, скрытое и целенаправленное воздействие на сознание (восприятие, мышление, эмоции) и поведение общества. Ее ключевая цель – формирование или закрепление негативных установок и убеждений в отношении России и русских, выгодных манипулятору. Для этого используются специфические языковые и коммуникативные стратегии, такие как дезинформация, искажение фактов, эмоциональное давление, подмена понятий и формирование стереотипов. Сущностной чертой этой манипуляции является сокрытие ее истинных целей и механизмов: адресат побуждается к определенным мыслям или действиям, не осознавая внешнего влияния и сохраняя иллюзию самостоятельности и объективности своих суждений. Таким образом, русофобская манипуляция – это инструмент скрытого управления общественным сознанием в интересах тех, кто ее инициирует (Кара-Мурза, 2020; Дейк, 2001; Доценко, 1997; Лазарев, 2017).

Языковая манипуляция задействует психолингвистические механизмы, актуализирующие у реципиента некритичную рецепцию информации. Это способствует формированию в когнитивном пространстве адресата заданных искаженных ментальных репрезентаций, имплицитно направляющих поведенческие реакции в угоду инициатору воздействия. Императивом эффективности здесь выступает латентный характер манипуляции: манипулятору необходимо минимизировать видимость вмешательства, конструируя убедительную версию реальности, где дискурс обретает призрачную достоверность (Шиллер, 1980; Копнина, 2012).

Однако самой тщательно скрываемой частью манипуляции всегда остается ее цель. Как подчеркивает С. Г. Кара-Мурза (2020), если истинное намерение манипулятора становится очевидным, его воздействие теряет силу, а сам манипулятор, оказываясь уязвимым, вынужден менять стратегию. Раскрытие цели лишает его возможности добиться желаемого результата, что делает сокрытие намерений центральной тактикой в любом манипулятивном воздействии.

Критерием разграничения манипулятивного и неманипулятивного речевого воздействия служит характер коммуникативных методов, подразделяемый на лояльные и манипулятивные. К лояльным, свойственным прозрачной коммуникации, относят: прямое убеждение через коррекцию взглядов на основе логики; адаптацию доводов с учетом мотивации адресата; сопоставительный анализ; иллюстрацию тезисов наглядными примерами и т. д. Манипулятивные техники включают: распространение дезинформации; искажение фактов; подмену понятий; эксплуатацию модальностей знания/мнения для маскировки субъективных суждений под объективные истины (Шелестюк, 2009, с. 70).

Психолог Е. Л. Доценко (1997, с. 58) предлагает более детальную характеристику манипулятивного воздействия, выделяя несколько его признаков:

- воздействие осуществляется исключительно в интересах субъекта и не учитывает благо адресата;
- объект воздействия воспринимается не как самостоятельная личность, а как инструмент для достижения целей манипулятора;
- эффективность воздействия напрямую зависит от владения манипулятором специализированными стратегиями и техниками скрытого влияния;
- итогом становится поведение или изменение мнения объекта в нужном для субъекта направлении.

Исследователи русофобского дискурса фиксируют распространенные манипулятивные тактики: уклонение от критики, самозащиту, демонстративность, сокрытие информации, дискредитацию, обвинения, оскорбления, обещания, провокации, предупреждения. Основа этих тактик – искажение фактов и конструирование выгодной манипулятору интерпретации событий. Именно эта подмена реальности и является сущностной характеристикой любого манипулятивного воздействия в рамках данного дискурса (Голянская, Мельник, 2019; Фарвазетдинова, 2024).

Успех манипулятивных тактик во многом зависит от богатства языковых средств, их вариативности и умения подстраиваться под конкретную коммуникативную ситуацию. К ключевым методам манипуляции в медиа относят избирательное представление информации, утаивание важных сведений, а также намеренное искажение фактов или их извлечение из исходного контекста (Молодыхенко, 2011, с. 42). Применение этих стратегий способствует не только формированию негативного образа, но и выполнению функции группового разграничения, описанного в теории социальной идентичности, где образ врага служит инструментом самоопределения и усиления внутригрупповой солидарности. Следующие примеры демонстрируют реализацию этих механизмов в англоязычном дискурсе, направленном против России.

Селекция в медиа представляет собой стратегический инструмент манипуляции, заключающийся в преднамеренном распределении акцентов: одни факты искусственно выводятся на первый план, а другие исключаются из дискурса. Эта избирательность, регулируемая редакционной политикой, позволяет конструировать заданную интерпретацию событий, соответствующую конкретным концептуальным границам (Bernays, 1928; Chomsky, Herman, 1988).

Russia will be emboldened to press further with its imperial agenda (Foreign Affairs, 2022). / *Россия почувствует уверенность для дальнейшего продвижения своей имперской повестки* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – С. М.).

Представленная информация изложена в форме безапелляционного утверждения, лишенного как логического обоснования, так и фактической поддержки. Практика умолчания заключается в сознательном исключении из медийного повествования информации, противоречащей его идеологической направленности (например, русофобской риторике); факты, способные подорвать целостность одностороннего нарратива, систематически искажаются или замалчиваются, что формирует картину реальности, строго соответствующую заданной концептуальной рамке.

Fears are growing that embattled Russian President Vladimir Putin will use cold weather as a weapon in the fight against Ukraine (YAHOO!News, 2022). / *Растут опасения, что находящийся в сложной ситуации президент России Владимир Путин использует холодную погоду как оружие в борьбе с Украиной.*

Данное утверждение отличается слабой аргументацией и полным отсутствием эмпирических оснований. Прежде всего, отсутствие упоминания конкретных экспертов значительно снижает доверие. Во-вторых, не приведено никаких убедительных фактов, которые могли бы подкрепить выдвинутую гипотезу о возможном использовании особенностей климатических условий как оружия.

Распространенная манипулятивная тактика в русофобском дискурсе заключается в умышленном вырывании цитат или фактов из их первоначального контекста. Предъявляя аудитории такие изолированные фрагменты без необходимых пояснений и обстоятельств, манипуляторы конструируют выгодную им ложную реальность. Этот манипулятивный метод позволяет подменить объективное освещение событий субъективно сфабрикованной версией, эффективно воздействуя на восприятие и формируя нужное идеологически ангажированное мнение.

"Short of a regime change in Russia, Putin is never going to pay reparations", said Buccheit (CNN, 2024). / *«Если в России не произойдет смены режима, Путин никогда не будет выплачивать репарации», – сказал Букхайт.* Без условной части это выражение кардинально меняет свой смысл, превращаясь в безоговорочное утверждение. Такой прием – вырывание слов из контекста – часто используется СМИ для создания более эмоционально заряженного нарратива, который легче воспринимается аудиторией и способствует формированию определенного мнения. Исключая важные условия или уточнения, журналисты или авторы намеренно искажают первоначальный замысел высказывания, что позволяет им влиять на общественное восприятие и направлять дискуссию в выгодном для них ключе.

Анализируя русофобские высказывания в англоязычных СМИ, мы пришли к выводу, что их можно классифицировать на две основные группы в зависимости от направленности и целей высказываний.

1. Русофобские высказывания, которые содержат обвинения в адрес России в целом. Данные высказывания преследуют цель дискредитации страны и формирования негативного образа российского государства и общества. Они направлены на создание и закрепление стереотипа о России как агрессивном, недобросовестном или опасном акторе на международной арене, что способствует оправданию политических, экономических или идеологических мер против нее.

(1) *Russia will not stop at Ukraine* (The Guardian, 2022). / *Россия не остановится на Украине.*

(2) *The Kremlin's forces will try to make further advances in the weeks ahead, and try to carve out a buffer zone along the Ukrainian border* (The New York Times, 2024). / *Силы Кремля будут пытаться продвинуться дальше в ближайшие недели и пытаться вырезать буферную зону вдоль украинской границы.*

(3) *A soulless Russia will collapse* (The Guardian, 2023). / *Бездушная Россия рухнет.*

(4) *Russia will be a spoiler, not a leader* (The Guardian, 2021). / *Россия будет разрушителем, а не лидером.*

(5) *Volodymyr Zelenskiy, in his nightly video address, denounced the strike as "yet another example of Russian madness"* (The Guardian, 2024). / *Зеленский в своем обращении объявил забастовку «еще одним примером русского безумства».*

(6) *Moscow illegally annexed the Donetsk region in 2022, but does not fully control it* (The New York Times, 2024). / *Москва нелегально присоединила Донецкую область в 2022 году, но полностью не контролирует ее.*

(7) *Zelensky said Friday that according to Ukraine's intelligence, Russia will deploy its first North Korean troops in combat zones on October 27 and 28, adding, "This is a clear step in Russia's escalation that matters"* (CNN, 2024). / *Зеленский в пятницу заявил, что, по данным украинской разведки, Россия разместит свои первые северокорейские войска в зонах боевых действий 27 и 28 октября, добавив: «Это явный шаг в эскалации российской агрессии, который имеет значение».*

(8) *They were prepared for "nastiness" from Russia in response* (The New York Times, 2023). / *Они были готовы к агрессии со стороны России в ответ.*

2. Русофобские высказывания, которые содержат обвинения в адрес президента России. Данные высказывания имеют цель персонализировать критику и сосредоточить негативное внимание на конкретной фигуре, связывая с ней все проблемы и негативные явления. Это позволяет демонизировать лидера страны, подрывать его легитимность и авторитет как внутри России, так и на международной арене.

(9) *Under Putin, Burns said, Russia will continue to be "at least as disruptive" as China* (CBS News, 2021). / *При Путине, сказал Бернс, Россия продолжит быть «по крайней мере такой же разрушительной», как Китай.*

(10) *Over the past year they have said they believe there is some red line out there that would unleash a more severe reaction from Mr. Putin* (The New York Times, 2024). / *В течение прошлого года они были уверены, что есть красная линия, выход за которую развяжет руки к более жесткой реакции Путина.*

(11) *This is the conundrum: the greater the Ukrainian victories the more spiteful Putin will be in directing his revenge toward ordinary Ukrainians* (express.co.uk, 2022). / *В этом и заключается головоломка: чем больше украинских побед, тем более злобным будет Путин в направлении своей мести к простым украинцам.*

(12) *The mobilisation and nuclear threats announced by Putin will not help the aggressor in his quest to conquer and destroy Ukraine and Ukrainians* (The Telegraph, 2022). / *Мобилизация и ядерные угрозы, объявленные Путиным, не помогут агрессору в его стремлении завоевать и уничтожить Украину и украинцев.*

(13) *The partial mobilisation announced by President Vladimir Putin will lead to a massive tragedy* (The Telegraph, 2022). / Частичная мобилизация, объявленная президентом Владимиром Путиным, приведет к масштабной трагедии.

(14) *Mr. Putin will use his unfettered power to make changes he avoided before the vote* (The New York Times, 2024). / Путин будет использовать свою неограниченную власть, чтобы добиться тех изменений, которых он избегал до выборов.

(15) *Putin will look to extend Russia's influence into Ukraine* (express.co.uk, 2022). / Путин будет стремиться расширить влияние России на Украину.

(16) *Putin will hit a pause button, it won't be the end of hostilities* (washingtonexaminer.com, 2022). / Путин нажмет кнопку паузы, это не будет концом военных действий.

(17) *Putin will use "all leverages he can" says Kira Rudik* (express.co.uk, 2022). / Путин будет использовать «все возможные рычаги», говорит Кира Рудик.

(18) *President Vladimir V. Putin will secure a fifth term as Russia's leader in the presidential election this weekend* (The New York Times, 2024). / Президент В. В. Путин обеспечит себе победу на пятых выборах в качестве главы государства на этой неделе.

Примеры (1), (2), (15) – (18) содержат высказывания с футуральной семантикой. В рамках русофобского дискурса данные высказывания несут подтекст неизбежности негативных событий или последствий, связанных с Россией. Использование будущего времени создает впечатление, что описываемые негативные процессы – не просто возможны, а предопределены и неотвратимы. Такая семантическая конструкция служит средством скрытой манипуляции, поскольку формирует у аудитории ощущение объективной и неминуемой угрозы со стороны России, что способствует закреплению предвзятых стереотипов и усилению негативного восприятия страны без явного указания на альтернативные сценарии или обстоятельства.

Примеры (3) – (14) содержат прагмемы (*"soulless" / бездушный, "spoiler" / разрушитель, "madness" / безумство, "illegally" / нелегальный, "escalation" / эскалация, " nastiness" / агрессия, "disruptive" / разрушительный, "severe" / жестокий, "spiteful" / злобный, "aggressor" / агрессор, "tragedy" / трагедия, "unfettered" / неограниченный*) с отрицательным оценочным компонентом. Через скрытый оценочный компонент прагмемы обеспечивают навязывание определенных негативных установок и стереотипов, что усиливает эффективность манипулятивного воздействия и формирование у аудитории предвзятого восприятия России (Малявин, 2025).

Таким образом, манипулятивное воздействие в русофобском дискурсе реализуется через использование средств языка и манипулятивных приемов с целью создания образа врага и распространения русофобской идеологии в обществе.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Русофобия представляет собой устойчивое предвзятое отношение к России, ее культуре, народу, языку и государственной политике, основанное на негативных стереотипах и политически мотивированной критике, зачастую навязываемой и усиливаемой рядом западных стран в рамках стратегического противостояния и стремления ослабить влияние России на международной арене. **Русофобский дискурс** – особый подязык в системе языка со своей специфической лексикой и грамматикой, формирующий и распространяющий предвзятое, негативное представление о России, ее истории, культуре, политике и гражданах.

2. Русофобский дискурс как особая речевая практика направлен на целенаправленное формирование образа России как враждебного государства. Этот образ служит средством оправдания санкционной политики и отвлечения внимания от внутренних проблем за счет акцентирования внешней угрозы. Механизм противопоставления «мы – не они» соответствует логике **теории социальной идентичности**, где образ врага выполняет функцию укрепления групповой сплоченности. Таким образом, русофобский дискурс выполняет не только идеологическую, но и идентификационную функцию.

3. Создание образа врага обусловлено **высоким манипулятивным потенциалом русофобского дискурса и заключается в его способности эффективно формировать и закреплять в сознании адресата стереотипные негативные представления о России как угрозе, что обеспечивает устойчивость русофобской идеологии**. Через специфическую языковую организацию русофобского дискурса, а также избирательную подачу информации, умалчивание важных фактов, искажение данных и реализацию различных манипулятивных инструментов происходит целенаправленное формирование образа врага в рамках русофобского дискурса, что способствует популяризации русофобии в мире.

Перспективой дальнейших исследований является более детальное изучение специфики лексического и грамматического уровней русофобского дискурса с акцентом на психолингвистический аспект, а также разработка стратегий выявления и прогнозирования манипулятивных практик, используемых в контексте русофобских высказываний.

Материалы исследования | Research materials

1. Мюллер В. К. Англо-русский русско-английский словарь: 120 000 слов. М.: ЛадКом, 2013.
2. Тютчев Ф. И. Россия и Запад: книга пророчеств: статьи, стихи. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999.

3. British National Corpus (BNC). <http://www.english-corpora.org/bnc>
4. CNN. Cable News Network. <https://edition.cnn.com/>
5. Merriam-Webster Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/>
6. Oxford English Dictionary. <http://www.oed.com/>
7. The Guardian. <https://www.theguardian.com/international>
8. The New York Times. <https://www.nytimes.com/>
9. The Telegraph. <http://www.telegraph.co.uk/>

Источники | References

1. Алексеев К. И. Метафорические модели действительности в предвыборном политическом дискурсе // Проблемы психологии дискурса / ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2005.
2. Андрианов М. С. Дискурсивный анализ спорных иллюстраций периодических печатных изданий // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2007.
3. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016.
4. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта, 2007.
5. Безменова Н. А. Речевое воздействие как риторическая проблема // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч.-акад. обзоров. М.: ИНИОН, 1989.
6. Водак Р. Критический анализ дискурса: политическая риторика // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000.
7. Голянская В. А., Мельник Н. В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. 2019. № 3.
8. Гуроров В. А., Ширинац А. А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1.
9. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: URSS, 2001.
10. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997.
11. Заиченко О. В. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны // Россия XXI. 2017. № 3.
12. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: СКИФИЯ, 2008.
13. Ильин А. Н. Русофобия. СПб.: Питер, 2018.
14. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997.
15. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008.
16. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2020.
17. Кара-Мурза С. Г. Русофобия Запада // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 8 (1).
18. Керимов А. А. Об особенностях политических медиакоммуникаций в цифровую эпоху // Koinon. 2022. Т. 3. № 1.
19. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2012.
20. Кривошеев А. А., Сафонова П. А. Роль новых медиа в процессе медиатизации политики // Новые технологии в науке, бизнесе, образовании: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 27 сентября 2022 г.). Пенза: Наука и просвещение, 2022.
21. Лазарев В. М. Психология манипуляции: как не стать жертвой манипулятора. М.: Эксмо, 2017.
22. Малявин С. Г. Прагмемы как инструмент манипуляции сознанием в английских медиатекстах: роль в распространении русофобской идеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20250343>
23. Медведева Н. Е. Языковая личность в контексте информационного противоборства // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 1.
24. Молодыхенко А. В. Сильные позиции начала и конца текста как способ воздействия на адресата // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2011. Вип. 22.
25. Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13).
26. Неменский О. Б. Русофобия: монография. М.: Российский институт стратегических исследований, 2014.
27. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
28. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1.
29. Павлова Н. Д. Интент-анализ дискурса // Коммуникативные исследования / ред. И. А. Стернин, В. Н. Степанов. Воронеж: Истоки, 2003.
30. Павлова Н. Д. Механизмы и средства психологического воздействия в дискурсе // Психологические исследования. 2013. № 6 (32).
31. Павлова Н. Д., Григорьева А. А., Пескова Е. А. Психолингвистика общения // Общение и познание / ред. В. А. Барабанщиков, Е. С. Самойленко. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2007.

32. Поттер Дж. Дискурс-анализ как метод исследования естественно протекающей речи // Иностранная психология. 1998. № 10.
33. Прокопенко Т. В. Роль социальных медиа в политической коммуникации // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 4.
34. Рябова М. Ю. Русофобия как коммуникативная стратегия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. <https://doi.org/10.30853/phil20220601>
35. Степанов В. Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации // Проблемы психологии дискурса / ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2005.
36. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.
37. Таньшина Н. П. Русофобия: история изобретения страха. М.: Концептуал, 2023а.
38. Таньшина Н. П. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб.: Питер, 2023б.
39. Туркулец А. В., Туркулец С. Е. Русофобия в контексте социальной стигматизации // Общественные науки и современность. 2023. № 4.
40. Фарвазетдинова Д. Ф. Стратегии и тактики речевой манипуляции в выступлениях Риши Сунака // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 4.
41. Шафаревич И. Р. Русофобия. М.: Эксмо, 2005.
42. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Челябинск: Энциклопедия, 2009.
43. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
44. Ширинянц А. А. Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники. 2024. № 2.
45. Bernays E. Propaganda. N. Y.: Horace Liveright, 1928.
46. Chomsky N., Herman E. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N. Y.: Pantheon Books, 1988.
47. Dijk T. A. van. Political Discourse and Racism: Describing Others in Western Parliaments // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse. Thousand Oaks: Sage, 1997.
48. Discursive Psychology in Practice / eds. R. Harre, P. Stearns. L.: Sage, 1995.
49. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / eds. W. G. Austin, S. Worchel. Monterey: Brooks/Cole, 1979.

Информация об авторах | Author information

Малявин Сергей Геннадьевич¹

¹ Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Sergei Gennadevich Maliavin¹

¹ Bunin Yelets State University

¹ malyavin.sergey@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.08.2025; опубликовано online (published online): 26.09.2025.

Ключевые слова (keywords): русофобский дискурс; образ врага; русофобская манипуляция; методы манипуляции; психологические установки; Russophobic discourse; enemy image; Russophobic manipulation; methods of manipulation; psychological attitudes.